

УДК 930.25.947.073

В.П. Бойко

**ЗАПИСКИ А.М. ГОРОХОВА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ
СИБИРСКОГО ЧИНОВНИЧЕСТВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.
(НА ОСНОВЕ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ)**

Представлены записки сибирского чиновника А.М. Горохова, которые обнаружены автором в отделе редких книг Научной библиотеки Томского государственного университета. На основе этого рукописного источника, архивных материалов и писем Г.С. Батенькова рассказывается о биографии и условиях службы А.М. Горохова, а также его сына Ф.А. Горохова – крупнейшего сибирского золотопромышленника середины XIX в.

Ключевые слова: Сибирь, чиновники, архивные документы.

В нашей исторической литературе давно уже устоялось мнение о том, что крупнейший сибирский золотопромышленник Философ Александрович Горохов родился в семье мелкого енисейского чиновника. Обладая выдающейся энергией и предприимчивостью, он сделал блестящую карьеру, став в 36 лет Томским губернским прокурором. Одновременно через выгодный брак с дочерью золотопромышленника Филимонова он стал одним из самых состоятельных людей Сибири, преумножая свои капиталы за счет разработки собственных золотых приисков. В результате Ф.А. Горохов был одним из первых сибирских «олигархов», соединившим мощь капитала с административным ресурсом [1. С. 89–91]. «Томский герцог» – таково было почетное неофициальное звание этого незаурядного и неординарного персонажа сибирской истории, который достоин большего внимания к своей личности, чем это было прежде. Найденные записки А.М. Горохова (отца золотопромышленника) и остатки архивных материалов о банкротстве и долгах его сына позволяют во многом по-иному посмотреть на этот интересный сюжет, который тесно связан с историей Томска, Томской губернии и всей Сибири. Обратимся же к указанным «Запискам» Горохова-отца, которые названы им весьма претенциозно – «Залог, или Нравственное зеркало, указывающее на предметы, которые могут служить руководством в жизни...» Палеографическое описание рукописи сделано доктором исторических наук, зав. сектором ОРКП НБ ТГУ В.А. Есиновой, отрывки из которого мы здесь помещаем: «Размер блока 31,0 x 29,8 см, бумага белая и голубая с гербами бумажных фабрик и без них датирована 1823, 1828, 1832, 1834 и 1835 годами, что не противоречит авторской датировке рукописи. Почерк: гражданская скоропись начала XIX века (четкий писарский почерк А. Горохова) и пометки Агапита, первого епископа Томского и Енисейского и протоиерея Созонта Куртукова. На титульном листе вклеена иллюстрация круглой формы (пейзаж, гравюра на меди, раскрашена цветным карандашом от руки...). Состояние книги хорошее, блок цел, незначительные загрязнения по углам первых листов. Незначительные потертости и загрязнения механического и биологического характера, утрачены фрагменты кожи корешка (сверху и снизу),

небольшой фрагмент зеленой бумаги с верхней крышки переплета. На верхней крышке также затеки, капли воска. Источник поступления: Томский этнолого-археологический музей ТГУ, Музей истории материальной культуры ТГУ. Далее этот документ будет указан как «Записки А.М. Горохова» [2].

«Записки» представляют собой тетрадь большого формата, в которой насчитывается 274 листа и 90 вклеек. Почерк автора, имя которого указано на 166 листе, достаточно четок и разборчив, указывает на многолетнюю письменную практику человека, прошедшего чиновничью карьерную лестницу с самых нижних ступенек. По косвенным данным, рукопись была оформлена в рассматриваемую здесь книгу в Томске в 1836–1839 гг. В сентябре 1839 г. ее читал епископ Томский и Енисейский Агапит и оставил там свои пометки. Например, на листе 72 он поддерживает рассуждения автора о морали праведников репликой «достойно замечания». На листе 110, когда Горохов высказывает мнение, что «должна быть признана лучшею та книга, которая представляет истину под приятными формами», что это «зеркало, в которое мы смотримся, часто не видя себя», то преосв. Агапит с ним не согласен: «Не так – надобно иначе думать – друг мой».

На наш взгляд, «Записки» представляют собой своеобразный «поток сознания», когда автор не выстраивает материал по сюжетам и не подчиняет повествование хронологической последовательности. Однако это ни в коей мере не снижает их значения не только как источника по воссозданию мировоззрения и ментальности сибирского чиновничества, но и как характеристики сознания образованного человека первой половины XIX в., сибирского провинциала пушкинской эпохи. Автор «Записок» желал бы передать свой опыт своим наследникам, так как, судя по всему, недвижимости и капиталов у него не было, да и его дети особенно в этот период и не нуждались. В Западной Сибири в 1830-е гг. начинается «золотая лихорадка», и его сын, по имени Философ, воспользуется этой ситуацией сполна. Имея важные чины и должности, он женился на дочери золотопромышленника Филимонова, а Филимоновы, в свою очередь, были в родстве с кланом Поповых, уралосибирских откупщиков и первооткрывателей сибирского россыпного золота.

В конце 1840-х гг. компания Горохова, Филимоновых и других компаньонов потерпит сокрушительный крах, и, словно предчувствуя это, А.М. Горохов умоляет своих потомков «трудиться в звании своем и не расточать время на праздность и роскошь, на балы и шумные увеселения, помня жалкую участь богача того, который, живучи в мире сем, облачается в порфиру и шелка, веселяся во все дни свои, а по смерти во аде, в муках не имел капли воды остудить языка своего ...». Переход к языку, насыщенному церковной лексикой и сюжетами, связанными с библейскими, показывает глубокую религиозность автора «Записок», что подтверждается в дальнейшем изложении. Христианские заповеди словно должны пробудить в читавших эти тексты совесть и сочувствие к бедным: «Богатство ли кому бог даровал, тот разделяй оное хотя бы частицами с бедными, помни, что он только казначей, а не настоящий владелец, что рано или поздно [придется. – В.Б.] оставить что накопил; стыдиться должен так же пресыщения роскошными тогда, когда бедные собратья от глада помирают». Кроме христианских заповедей

аскетизма, бегства от богатства как источника грехов, которые в большей степени были характерны для православия, автор «Записок» прибегает к скрытым литературным цитатам. В одних случаях авторство можно установить, в других это сделать сложно, но А.М. Горохов упоминает их как общеизвестные и не требующие их полного раскрытия. Вот образец скрытой цитаты: «Для чего прошу вас, милые дети! Сколько силы вам позволяют стараться исполнять из написанного здесь последний мой совет – «мечты, слезы, стоны и молитвы отца вашего, вырвавшиеся из души его» принимать всерьез и насколько возможно исполнить» [2. Л. 5–6]. Жизнь словно посмеялась над завещанием старого чиновника. Его сын, носивший столь необычное имя Философ, которое, вероятно, внушало надежду на выдающиеся его способности и особую его судьбу, по жизни и в малой степени не отличался скромностью и человеколюбием. Гордыня и страсть к обогащению поглотили все основные качества его личности и привела к жизненному краху.

Целенаправленные поиски сведений о службе в Сибири А.М. Горохова в Томском государственном архиве дали скудные результаты, но и они отчасти опровергают версию об его малых чинах и низких должностях. В деле, озаглавленном «Списки томских чиновников на предмет оценки их имуществ за 1814 г.», фигурируют сразу два чиновника, фамилии которых прославили их сыновья на ниве сибирской золотопромышленности. Асташев Дмитрий Васильевич, коллежский асессор, и Горохов Александр Михайлович, коллежский секретарь и ордена св. Владимира 4-й степени кавалер. Соответственно, ни тот ни другой недвижимости и крепостных в других губерниях не имели [3. Л. 353, 355]. Что касается должности, то А.М. Горохов исполнял важную для губернского города должность городничего. Судя по всему, он следовал из Бийска, где служил на должности земского исправника (главы уездной полиции), в Нарым, куда был назначен с повышением на место городничего. По не известной нам причине от должности томского городничего был отстранен поручик Александр Прокопьевич Бутырин. Поэтому в деле, названном «Списки и иные сведения о разных чиновниках», появилась запись: «В 1815 году в Томске место городничего вакансия, а управляет Нарымский городничий и кавалер коллежский асессор А.М. Горохов» [4. Л. 7].

Нет сомнений, что расширив поиск в других архивах страны, можно найти более точные и подробные сведения о скромном (пусть будет так) чиновнике Горохове. Однако формулярный список дает исследователю только штрихи биографии того или иного деятеля, жизненную канву, оставив без внимания те многие обстоятельства и факты биографии, которые и составляют саму жизнь. Обнаруженные в Научной библиотеке Томского университета «Записки А.М. Горохова» дают как раз ту информацию о его мировоззрении, настроениях и пристрастиях, которую в официальных документах, скупых на обыденную и ментальную характеристику людей того времени, найти трудно, а порой и невозможно.

Итак, А.М. Горохов прослужил в Сибири около 40 лет, но родился он 22 августа 1869 года в Петербурге «от благородных родителей и рано спознал сиротство» [2. Л. 16]. Служба его начиналась, судя по всему, в Иркутске, где он перешел с военной службы на гражданскую и где 22 октября

1794 г. женился. Говоря о благородстве своего происхождения, Горохов его несколько преувеличивает, так как в потомственное дворянство он был произведен как чиновник 8-го класса, к тому же награжденный российским орденом высокого класса (св. Владимира 4-й степени). Служил он в сибирских учреждениях с 1787 г., а происходил из обер-офицерских детей, то есть его отец не достиг 8-го класса по Табели о рангах. Имя своей уже ко времени написания «Записок» покойной супруги автор не упоминает, хотя относит себя к тем, кому «посчастливилось попасть в число тех немногих, коих супружеское блаженство от времени не уменьшается, а возрастает. Она сохранила ко мне ту же скромность, ту же уступчивость, ту же предупредительную приветливость, которые меня пленили» [2. Л. 37об].

Во время службы Горохов приобрел последовательно 4 дома в Иркутске, Бийске, Каинске и Енисейске, которые при переездах вынужден был продавать очень дешево, с большим для себя убытком. «Бывало, не успеешь обзавестись на месте нужными по хозяйству вещами и экипажем, покупая не вовремя дорожною ценою, как должен был уступать задешевизну или вовсе оставлять так: потом в другом месте начинать то же, отчего в долги попадал и с нуждою по малополучаемому жалованью уплачивал, лишая себя и семейство свое не только чтоб по характеру щеголеватости, но и самого нужного, дабы не гонялись за мной долги. При отдаче в замужество трех дочерей, несмотря на то, что разделили с ними из последнего, если бы не было пособия у первой со стороны бывшего в Томске губернатора покойного Иличевского и его супруги покойной же Александры Ивановны, а у последних двух со стороны почтеннейших моих сватовей Евстифея Васильевича и Татьяны Ивановны Филимоновых, сына моего Философа Александровича и милой нашей дочери и его супруги Олимпиады Евстифеевны, у которых чад большого света не задушил искренности, они скромны без жеманства, величавы без гордости и щедры не из тщеславия. Скажу еще больше, что общая их всех поддержка совершенно меня восстановила; благодарность моя им сокрыта в душе нашей и умрет не оглашенная словами» [2. Л. 63].

Приведенный здесь с минимальными изменениями текст дает представление не только о фактах биографии чиновника Горохова и его семьи, но и показывают субъективизм автора «Записок». Приукрашивание описываемых событий и людей является родовым признаком источников личного происхождения, поэтому доверять такой характеристике не приходится. О результатах деятельности Ф.А. Горохова разговор еще впереди, но, являясь одним из богатейших людей Сибири, он пускал на ветер свои средства с таким безрассудством, что его скромность и щедрость сильно, очень сильно преувеличены. Например, среди жертвователей на строительство Троицкого кафедрального собора в Томске с 1842 по 1851 г. Горохов-сын со взносом в 1576 руб. 5 коп. стоит на непочетном для него 9-м месте между поселенцем Иваном Разумовским и чиновником Томского губернского правления Гуляевым, далеко отставая, например, от томского мещанина Михеева (8400 руб.), купцов Толкачевых (каждый пожертвовал почти по 6 тыс. руб.) и других, гораздо более скромных по своему состоянию горожан [5. С. 175]. Да и эти

деньги Горохов вносил по частям и под давлением уважаемых в городе купцов и чиновников.

В отличие от сына, который быстро поднялся по чиновной лестнице, А.М. Горохов на протяжении последнего десятилетия XVIII и первой трети XIX в. занимал в нескольких городах Сибири низшие должности члена гражданского и уголовного суда. Затем стал судьей и городничим, а в Томске перед выходом на пенсию в 1820-х гг. был советником и чиновником особых поручений. Везде он старался, по его словам, честно выполнять свой долг и не допускать злоупотреблений. «Истинно справедливо, – подчеркивает он в своих «Записках», – что я, оставляя службу, не принес домой скопленных сумм, кроме мундира со знаками доблести, трезвости, честного и незапятнанного имени, усердия к своему Государю, твердой веры в Бога и запаса семейственных добродетелей ...» [2. Л. 32об]. Но в детях А.М. Горохов видит другие качества, и это его расстраивает и удивляет. На страницах «Записок» он как бы полемизирует с ними, пытается объяснить причины своего бескорыстия. Он постоянно повторяет, что никогда не жалел об этом, что не воспользовался случаем «запасться для детей излишностями и деньгами». Свое credo он отстаивает следующими тезисами: «Вспомним, что не получал и сам ничего от своих родителей, исключая родительское благословение... Что убожество (бедность. – В.Б.), если оно не есть следствие порочной жизни, никого не бесславит... Богатыми делает нас не золото и имение, оно останется еще и тогда, когда нас не станет, ибо другие присвоят его себе... Богатство никогда не было доказательством прямого достоинства; сверх того, иногда средства приобретения онога бывают достойны величайшего презрения» [2. Л. 43].

Таким образом, старый служака Александр Горохов прошел трудный путь работника низового управленческого и судейского звена, сделал достаточно успешную карьеру и оставил о себе хорошую память. Это был не тот знаменитый гоголевский городничий, который, как известно, тоже тридцать лет был на службе, но за это время «ни один купец, ни подрядчик не мог провести; мошенников над мошенниками обманывал, пройдох и плутов таких, что весь свет готовы обворовать, поддевал на уду. Трех губернаторов обманул...». Между тем репутация отставного чиновника Горохова в Томске, где он остался после выхода на пенсию, была безукоризненной. С одной стороны, под судом и следствием не был, хотя время было сложное, одна строгая и всеохватывающая ревизия М.М. Сперанского чего стоила. С другой стороны, первый епископ Томский и Енисейский Агапит называл Горохова «наивозлюбленнейшим и почтеннейшим старцем».

Обстоятельства последних дней жизни А.М. Горохова, которые описывал в сочувственных тонах Г.С. Батеньков, также говорят в его пользу. В письме к И.И. Пущину он сообщает: «Наш местный некрополь нельзя сказать, чтоб был в полном застое. В начале февраля (1847 года. – В.Б.) скончалась всем известная госпожа Горохова... Потеря чувствительная для всего города, чувствительная и для меня по закоренелой семейной приязни: прошедшее лето я у нее и прожил в садовой беседке. Это женщина 33 лет, мать 9 детей, дочь, сестра, обладательница ежегодных 50 пудов золота и, что важ-

нее, всегда готовая на доброе дело» [6. С. 235–236]. Следом за невесткой, или, как он ее называл, «милой нашей дочерью Олимпиадой Евстифеевной», умер и сам А.М. Горохов. Батеньков писал об этом в июне 1847 г.: «Похоронил 80-летнего старца, с которым был близок в юности. Он дал добрый пример христианскою кончиною, сохранив до конца умные силы. Я прожил вместе с ним прошедшее лето и любил его слушать, потому что он едва ли не все перечитал» [6. С. 241].

Все сказанное о А.М. Горохове дает основание считать его одной из оригинальных и ярких фигур томского чиновничества, а его «Записки» – ценным источником по истории формирования менталитета образованного человека первой трети XIX в., его образу жизни и поведению в различных ситуациях. Цитированные в статье документы несут, на наш взгляд, ценную информацию о воспитании и образовании, этических нормах поведения и социальных ценностях сибирских чиновников. Отметим, что твердые принципы родителей не всегда передавались их детям, что приводило к нарушению («слому») нравственных правил и крушению личности, даже если она и достигала высот в получении чинов и богатства. История подъема и крушения Ф.А. Горохова ждет своего исследователя, и материалы о жизни его отца помогут ответить на ряд вопросов, которые будут возникать по мере изучения этой непростой проблемы.

Литература

1. *Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции в Сибири*. В 4 т. Новосибирск, 1994. Т. 1, кн. 2. С. 89–91.
2. *Горохов А.М.* Залог, или Нравственное зеркало, указывающее на предметы, которые могут служить руководством в жизни, а вместе с тем помешаются в отрывках сведения о происшествиях в моей жизни случившихся и проч. Начат писать набело с 1836-го года, августа 23 дня в Томске. Рукопись. Томск, 1836 – 1839. Научная библиотека Томского государственного университета. (Витр. 884)».
3. *Государственный архив Томской области (ГАТО)*. Ф. 1. Оп. 1. Д. 112.
4. *ГАТО*. Ф. 22. Оп. 1. Д. 8.
5. *Евтропов К.Н.* История Троицкого кафедрального собора в Томске. (Постройка его с характеристикой времени и деятелей). Томск, 1904. С. 175.
6. *Батеньков Г.С.* Сочинения и письма. Т. 1: Письма (1813–1856). Иркутск, 1989.